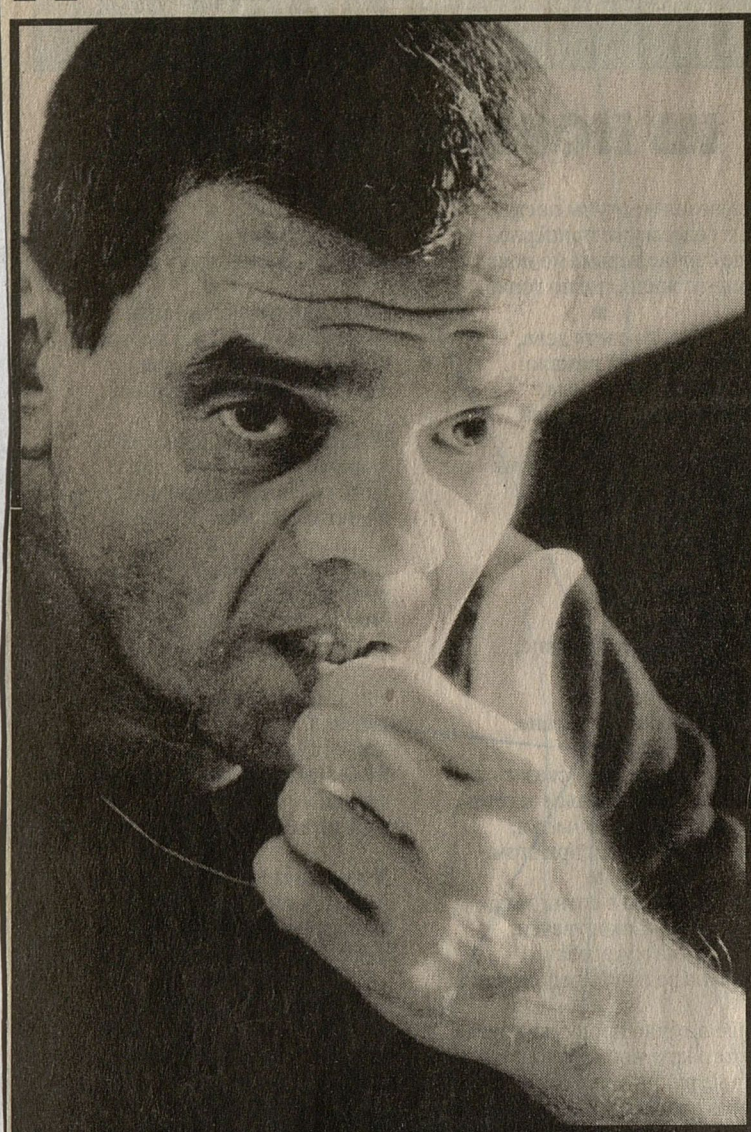

КОНСТАНТИН РАЙКИН:

Художественный руководитель театра «Сатирикон» встретился с редакцией «Вечернего клуба»

НЕ НАДО БИТЬ ДРУГА ДРУГА ПО МОРДАСАМ

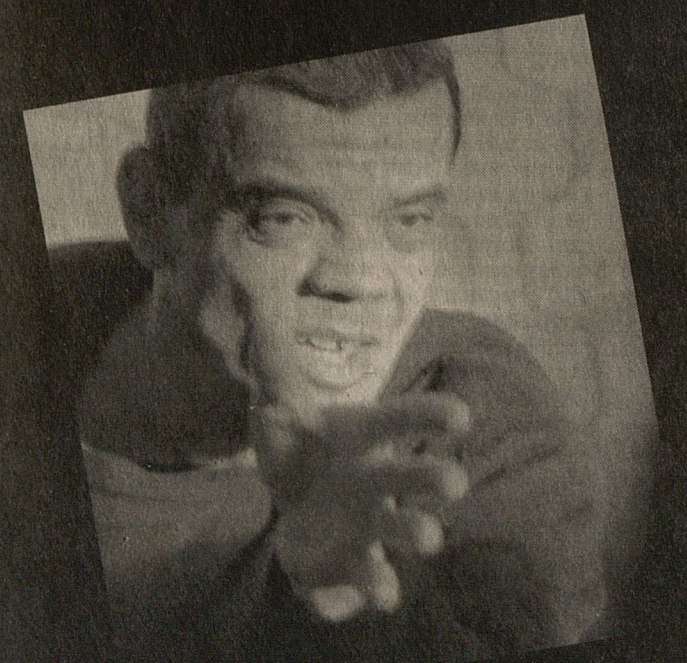
— Один критик когда-то сказал обо мне: «Этот мальчик никогда не будет артистом».

— Если тебе не нравится Газманов, то подойди к нему и скажи об этом.

— Я доверяю больше не рецензиям, а слухам, «сарафанному радио».

— Длиннее мысли должны быть у критика, длиннее!

Критика и этика

Нельзя человека, как комара прихлопнуть. Нельзя быть жестоким к человеку. Стало принято сейчас говорить, что «написано хлестко», а слово «жесток» как бы из русского языка и ушло. Нельзя превращать какой-то допустимый уровень жесткости. Такие рецензии ничего не создают, а только доставляют боль человеку. Сейчас все озверело от возможности направо-налево раздать по мордам. Есть много газет или радиостанций, которые только этим и живут. Для них ведь на самом деле чем ниже уровень культуры, тем лучше. Они с этого бабки стригут.

Часто критик проводит показательные операции на живых людях. Вот смотрите, говорит он, я это отрезаю, и вот это... При этом он не заботится, выживет пациент или нет. А ведь речь идет, например, когда дело касается театра, о живых артистах, которые играют не только в этом «плохом» спектакле и не только в тот день, когда смотрел критик, но и в других, не столь плохих и даже в очень хороших спектаклях. А если у артиста «отрезают» какой-то необходимый орган при этой операции, как ему жить дальше? Длиннее мысли должны быть у критика, длиннее!

Да и потом: ведь всегда существует какой-то процент вероятности, что ты ошибся, говоря об актере или режиссере плохо. Ну бывает ведь такое! С моей точки зрения, критика должна выработать свой этический кодекс. Категорически нельзя, например, обсуждать в прессе природные данные актера с отрицательным знаком. Категорически нельзя написать: «У этого артиста недостаточно дарования». Нельзя! Этого никто не знает, кроме Господа Бога.

Я, например, никогда в жизни артисту, который «показывается» мне в театре, или даже студенту не смогу сказать: «Вы не талантливы». Нельзя обрезать крылья. А вдруг я ошибаюсь? Я найду другие слова, скажу ему, может быть: «Вы недостаточно готовы», «Вы не вписываетесь в мою труппу» или вообще ничего не скажу. Сколько таких случаев, когда в человеке ошибались...

Да я свой пример приведу. Один известный критик однажды обо мне сказал: «Этот мальчик никогда не будет артистом» и что это ошибка театра «Современник», что меня взяли в труппу. Надо отдать ему должное, он сказал это в закрытой беседе, а я просто прочел законспектированную запись на столе у своего завлита. Я ему всегда это припоминаю в шутку, когда он начинает что-то из наших работ ругать. «Вы же вообще ничего не понимаете», — говорю я ему, а когда он делает большие глаза, то припоминаю ему ту историю.

У того же критика, такого утонченного вроде человека, я читаю недавно, как он пишет об артистке театра Табакова, что она недостаточно одарена. Это, с моей точки зрения, чудовищная бестактность. Понимает ли он, что артистка после такой статьи может просто стать инвалидом? Да знаете ли вы, что Вивьен Ли, будучи уже всеми признанной, умерла раньше времени, читая какие-то чудовищные несправедливости о себе? В частности, что она «играет вполне сносно для своего среднего дарования». Я вот думаю, если бы мой папа прочел такое о себе, то свалился бы с инфарктом. Он был очень мнительный человек, и поколебать его веру в себя ничего не стоило. Можно сказать: «Неудачно играет роль» или «Не подходит для этой роли», но нельзя говорить о недостатке природных данных.

Я прекрасно понимаю, что профессия критика сложна и требует большого искусства. Например, я могу после спектакля разругать артиста до предела, но только для того, чтобы он стал лучше, а не умер. А теперь представьте, что этот мой разговор с артистом покажут по телевизору и он станет достоянием большого количества людей. Это значит, что я изменю свой лексикон и буду говорить все то же самое, но так, чтобы его перед людьми не унижить. Надо уметь иногда и кого-то выпороть, но не сломать при этом ни рук, ни ног. Меня самого часто заносит, но я помню о том, что надо стараться не делать зла. Конечно, критик ответствен перед зрителем и должен поднимать нравы публики, но не за счет увечий, которые он наносит предмету своих исследований. Незачем отрывать пациенту органы «на бис», как в известном анекдоте. Критик, по идее, должен писать, с одной стороны, для театра, а с другой стороны — для зрителя. Но я читаю много рецензий и часто вижу в них лишь игру самолюбия, которая предназначена только для своих коллег, то есть для небольшого круга критиков или журналистов, в котором они вьются. И никаких других целей часто и не бывает. Если это предназначено для публики, то тогда почему так непростительно написано? Бывает, что статью о себе мне и самому непростительно читать, а не то что кому-то другому. Причем мне же интересно о себе читать, и я добросовестно читаю, и то не понимаю. Если это пишется для зрителей, то и язык рецензии должен быть доступным.

О хамстве в политике и на телевидении

Всёобщее безумное хамство висит в нашей стране в воздухе и ощущается в такой концентрации каждый день, что

становится просто невыносимо дышать. Я уже не могу смотреть ни первый канал, ни НТВ, когда речь заходит о политике. Я забыл о всяком уважении к политикам — даже к любимым мною. Как только я слышу, как они начинают поливать друг друга или президента, я думаю: как же они не понимают, что от этого страдает в первую очередь их собственный авторитет? Они для меня становятся после этого ровно наполовину меньше. И не потому, что они не правы по сути. Просто так поступать невозможно по элементарным соображениям порядочности. Из-за цеховой солидарности, из-за деликатности, в конце концов. И потом просто нельзя все время продолжать цепь зла. Кто-то должен первый остановиться. Если ты сильный человек, то остановись и не говори в ответ. Не могу, просто не могу слышать ни одной политической передачи на этих двух каналах. Я здесь даже не о Доренко говорю, а о любой, даже самой вроде невинной политической программе.

Я только один раз участвовал в политической кампании, когда выбирал президентом в 96-м году. Я крайне не хотел, чтобы коммунисты пришли к власти. И не хотел этого до такой степени, так смертельно, что отложил свои дела и занялся этим. Сейчас ситуация другая, хотя временами мне тоже не по себе, потому что я опять боюсь этого.

Об эстраде

С нашей эстрадой — двойная беда: беда сама по себе, по причине почти повсеместного отсутствия культуры и вкуса, и беда еще и потому, что абсолютное большинство работающих на эстраде этого не понимают. Вроде бы все нормально — огромная любовь народа и все такое... Я вижу на нашей эстраде большое количество одаренных людей, но эстрада как жанр не имеет никакой Школы. В области драматического театра, скажем, мы имеем знаменитую Школу, то есть мощнейшую традицию в самом прекрасном смысле слова. У нас был свой гений Станиславский, а если б не было его, то был бы кто-то другой, потому что в русском театре накопилась такая мощь, такой опыт, что непременно должен был прийти кто-то, кто все бы это подытожил, осознал и систематизировал. В нашей эстраде тоже если не огромное, то вполне достаточное количество опыта. Очень много настоящих талантов работали у нас на эстраде. Огромное количество славных имен, но никто не смог создать настоящую школу эстрады. А школа — это уровень культуры, образования, вкуса...

Поймите меня правильно: я очень люблю эстраду и очень не люблю людей, которые свысока смотрят на этот жанр. Многие наши деятели культуры иногда, к сожалению, бестактно и безапелляционно говорят об эстраде. Вот приведу пример. Интеллигентнейший человек выступает на телевидении, в «Ночном полете» у Макашова. Замечательный, тонкий человек, который вдруг говорит про какую-то телепередачу: «Я ее смотрел до тех пор, пока там не начали заниматься эстрадой. Но, знаете, вся эта эстрада, все эти Газмановы...» Все. И я уже больше не могу его слушать. Это все равно что сказать: «все эти евреи». Нельзя так говорить. Он оскорбляет человека, а за что?! Это ужасная бестактность! Газманов — талантливый человек, кому-то он может нравиться, кому-то — нет, но работает он профессионально и жертвенно. И я вот думаю: что должен в этот момент делать Газманов, когда он такое услышит? Чем ему поможет эта, походя произнесенная, реплика? Он ничего, кроме обиды, не испытает. Если тебе не нравится Газманов, то подойди к нему и скажи об этом.

Поднять уровень нашей эстрады — вещь хоть и сложная, но возможная. Сравните, скажем, уровень нашей попсы и американской. Значит, можно что-то реально приподнять и здесь? Дать музыку чуть посложнее, чуть потоньше, чуть более сложные ритмы, чем «палка — селетка»... Все это произойдет, конечно, не сразу, постепенно, но тогда и вкусы публики будут меняться к лучшему. Нельзя нашей эстраде потакать бескультурию, но и писать о попсе с презрением, мне кажется, нельзя. Не стоит, например, противопоставлять классическую музыку и попсу. В нормальном человеке уживаются оба эти регистра. Отними у меня одно или другое — да я удавлюсь с тоски, если буду только классику слушать или только эстрадные песни. Человек, который любит одну только классику, по-моему, в чем-то убогий. Или джаз еще есть — как без него прожить? В конце концов, если у человека двигаются ноги, то ему иногда хочется и потанцевать. А под Бетховена-то особенно не потанцуешь. Да и потом такие есть талантливые образцы эстрады... Что такое «Битлз», в конце концов? Та же попса.

Элитарный или массовый?

Я очень болезненно воспринимаю то, как пишется сейчас об искусстве и о театре в частности. Тут случается масса ошибок, неточностей, недобросовестностей. У вас это тоже бывает. Например, недавно в связи с нашим юбилеем у вас прошла фраза, которую я воспринимаю просто как досадную неточность. Назвать нас «откровенно элитарным театром» — это, я считаю,

откровенный заусенец. Соберите вы самых разных людей, знающих театр, и спросите их, какие прилагательные рождаются у них в связи с театром «Сатирикон». Ну, ей-богу, никто из них не скажет, что это элитарный театр. Все наоборот скажут. Ну на это и обижаться всерьез нельзя. Я воспринимаю это просто как опечатку — все равно, что меня бы назвали Сидоровым, хотя я на самом деле Райкин. Да еще и не Сидоровым, а Сидоровым-заде. Не просто элитарный, а «откровенно элитарный». Это уже как Бюль-Бюль Сидоров.

В нашем театре есть спектакли, которые можно назвать элитарными — например, «Превращение» Валерия Фокина или «Великолепный рогонос» Петра Фоменко. Они предназначены для рафинированной, особо театральной публики и поэтому идут в малом зале. Я считаю неправильным играть такие спектакли для тысячной аудитории. Есть театры, которые специализируются исключительно на элитарных спектаклях. Например, театр Валерия Фокина, здание которого пока не построили — Центра Мейерхольда как здания еще не существует. Или театр Анатолия Васильева — его можно назвать элитарным. На меня такой театр очень действует, но иногда я скучаю по площадному театру, который захватывает много народу, пеструю публику... Моя самая любимая роль сыграна в абсолютно элитарном спектакле «Записки из подполья». Моему папе тогда очень нравилась работа сына, но он ужасно страдал от того, что это увидит только сто зрителей. Я понимал его тоску человека, который всю жизнь имел дело только с большими аудиториями. Он спрашивал меня: «Скажи, пожалуйста, а в Зале Чайковского это нельзя показать? Ну представь себе, ты сидишь в углу...» Я представлял себе, что сижу в углу в Зале Чайковского, и мне сразу нехорошо становилось. Но и без больших аудиторий я тоже не смог бы сейчас прожить, за тосковал бы...

Надо доверять не критику, а зрителю

Когда я только стал артистом, то критика долгое время писала обо мне очень снисходительно. А ведь критик — он на то и критик, чтобы раскусить что-то наперед, в чем-то зеленом увидеть то, что потом вырастет. Мне неслучайно говорить про себя, но так и было. Все думали — ну как это сын великого артиста может что-то из себя представлять? А ведь природа отдыхает не только на детях великих родителей, но и на детях бездарных людей тоже. И ведь бывает еще, что долго отдыхает, много поколений подряд. Все отдыхает и отдыхает, хотя вроде по идее должен уже гений родиться, когда столько бездарных в роду. Так что закона здесь нет никакого.

В России зритель не доверяет критике так, как, скажем, в Америке, и я думаю, что это, наверное, к счастью. Пускай зритель ориентируется на собственные чувства, и это будет самое правильное. А идеальный критик — это прежде всего живой критик. Тот, кто хорошее от плохого сам отличает, а не потому, что ему что-то уже объяснили. Я иногда вижу группу критиков после спектакля, которые не поспешивали еще между собой. Их в этот момент можно брать голыми руками. Выдели одного, прижми к стенке и спроси: «Что думаешь о спектакле?» И он растеряется, потому что не спросил еще никого, не обменялся мнениями... И я ведь тоже доверяю больше не рецензиям, а «сарафанному радио», слухам о том или ином спектакле. Когда речь идет о моих работах, то доверяюсь больше всего не коллегам, которые иногда могут и спланировать, а зрительному залу. Я слушаю, как они слушают и все понимаю. Если правильный, хороший спектакль, то даже самый неподготовленный зритель поймет.

Хула и похвала

Я читаю об искусстве, о театре очень много плутоостей. Часто задаю себе вопрос: почему этому человеку вообще дано право быть напечатанным? У него мысли короткие, он не подтисывается в оппоненты режиссеру. Почему он или она, такие маленькие, имеют право высказываться в печати об этом режиссере, таком великом?

Иногда бывают хвалебные статьи о театре, но они хуже любых ругательств. Я уж иногда думаю, как бы отвалить таких людей от театра. Ну, ужасно... Даже не знаю, с чем это сравнить. Как будто тебя хвалят как человека за одежду или марку обуви. А бывает и наоборот: отрицательная рецензия оказывается для тебя очень полезной. Я и с режиссерами работал очень жесткими, от которых не поздороваешься. Например, для того, чтоб получать замечания от Валерия Фокина, надо выработать настоящую привычку выжить после этого. И я такой мазохист, что привык к этому и не могу жить без замечаний.

Было несколько статей, которые ранили меня, но это были счастливые раны. В конце концов, пирке — это тоже рана, это может быть мучительно, но полезно. Конечно, самое сложное для самолюбия — то, что это делается публично. Кто-то тебе громко говорит: «ЭТО ТЫ ПЛОХО СДЕЛАЛ». Так и хочется сказать: «Птишечка», а уже все услышали или про-

чили. Таких рецензий немного, но они бывают. Справедливая критика. Хотя, конечно, бывает, что и несправедливые рецензии в конце концов приносят артисту некоторую пользу, поскольку закаляют его, как сталь. Если он, правда, выживает.

О цветах

В «Сатирикон» нельзя выходить на сцену с цветами, и нас иногда за это упрекают. Но я-то уверен, что это правильно. Выходить на сцену нельзя, и наши билетеры стоят у сцены и очень деликатно этому препятствуют. Это эстрада привнесла в нашу жизнь такое понятие, как выход зрителя с цветами на сцену. Это чудовищная вещь. Вы можете себе представить, что в Большом театре зрители начнут выходить на сцену? И потом, у каждого зрителя есть свое представление о финале. Деля Петя может подумать, что уже кончилось, и начать преследовать недодушившего Дездемону Отелло с букетом. Актеру придется отбиваться.

«Сатирикон» сегодня

Упрекают наш театр иногда в том, что билеты дорогие. Ну да, дорогие. Но людей, которые могут себе позволить купить билет в наш театр, достаточно много. Да и разве сравнишь наши цены с ценами на спектакли, которые идут в антрепризах? Я, кстати, к антрепризам в отличие от многих отношусь нормально. Только не считаю, что антрепризы заменят собой стационарные театры. Эти две формы будут, скорее всего, существовать параллельно. А когда начнут театры зарабатывать побольше, то и антрепризный бум утихнет.

Существует такая точка зрения, что надо сократить количество театров и пускать выживают те, кто зарабатывает. Это точка зрения правильная, но идеалистическая и оттого жестокая. Я, может, и сам считал так, пока не начал руководить театром. Сократить-то вроде и надо, но как по живым людям сокращать? Особенно трудно приходится, конечно, старым театрам. Ну куда денешь замечательных старых артистов? Мне легче, поскольку у меня труппа молодая, но я уже с этим сталкиваюсь. Надо быть и человеком, и художником, и иногда выходить, что это две разные дорожки.

Я руковожу театром уже 12 лет, и если б вы знали, как трудно ежедневно удерживать его от постоянных разрушительных процессов. Загнивание идет параллельно с расцветанием, и это продолжается с первого дня. Вопрос только в том, насколько сил у тебя хватает все время все собирать в кучку. Горка рассыпается все время. Было хорошо, но только отвернись, и уже стало плохо. Поэтому руководить театром — это значит противопоставлять процессу тления процесс создания. В 10 часов начинаются репетиции, мы работаем без выходных. Надо разбираться с труппой спектакли, как разбираются обычно футбольные матчи. Если футбол прошёл спектакль, то это ЧП. Если кто-то халтурит в массовке, то он у меня никогда не получит приличную роль. Если от кого-то пахнет спиртным, то он завтра же не будет работать в театре, пускай он даже самый главный артист. Я обойдусь, заменю его, но так будет. Так было при папе, так и у меня. Это очень сложно, это вопреки всему, что происходит на улице, но зато мы имеем культурный театр, где никогда не будет халтуры.

«Сатирикон» завтра

Ясно, что в обозримом будущем государство не будет давать на культуру денег больше, чем оно дает сейчас. Поэтому у нас появилось желание хотя бы самим спастись. Мы в театре придумали такую экономическую систему, в которой без нарушения закона попытаемся что-то сделать сами. Мы хотим добиться «многоучредительства». То есть расставаться и с государственной пуповиной, и с московской, но в смысле денег это будет чисто символическая помощь — 100 рублей в год, скажем, а опора будет в финансовых структурах. Это совсем не то же самое, что спонсорство. Спонсор дает деньги, когда хочет, за нарушение обещаний не отвечает. Здесь же мы перестаем быть бедными родственниками и создаем очень жесткую структуру. Это единственная возможность не выживать, но жить. Если бы у нас это вышло, то, я думаю, это стало бы примером и для других театров.

В театре все время должно что-то меняться. Единственное спасение здесь — делать ставку на молодых. Другое дело, что я в какой-то момент тоже перестану годиться, и мои вкусы устареют и станут старомодными. Слово «мода» к театру не очень подходит, но для меня существует понятие «старомодный спектакль», «старомодная режиссура», и очень не хочется становиться старомодным. Но это, конечно, неизбежно. И единственное, что может отдалить это событие, работа с молодежью. Нужна школа при театре. Или, точнее, надо при каком-то из театральных институтов иметь свой курс.

Записал
Глеб СИТКОВСКИЙ